

зина, Муравьева, Дмитриева и др. Их значение в истории русского литературного языка бесспорно. С другой стороны, консервативный или даже прямо реакционный характер их идеологии также едва ли может вызвать сомнения. Между тем Пушкин, обязанный Радищеву как учителю политической мысли и политической поэзии, обязанный и Державину и Фонвизину, каждому по-своему, все-таки был в юности учеником Жуковского и вообще «карамзинистов». Вопрос о том, что — кроме языковой реформы — дали Пушкину Карамзин и его окружение, очень важен; это — вопрос о положительной ценности деятельности Карамзина и его школы; невозможно, неправильно, легкомысленно было бы не видеть, что работа Карамзина была ценна и положительна в ряде вопросов, несмотря на его политический консерватизм, но необходимы еще исследования, уясняющие эту проблему. Возможно, что вопрос будет стоять в плоскости признания карамзинистского психологического анализа завоеванием этой школы. Материалы для решения этого вопроса мы найдем и у Белинского, и у исследователей XX столетия.

Само собой разумеется, что указанными выше вопросами ни в малой степени не исчерпывается проблематика изучения русской литературы XVIII в. Эти вопросы были указаны здесь в качестве первоочередных. Поэтому нет необходимости подробно характеризовать в настоящей статье все те серьезные и ответственные проблемы, поставить и посылить разрешить которые должны в ближайшее время советские ученые. Достаточно будет вкратце поименовать хотя бы некоторые из них.

Существеннейшее значение имеет исследование проблем взаимосвязи русской литературы XVIII столетия с литературами западно-европейскими. Русская литература и в XVIII в. была частью общеевропейской, причем вовсе не какой-нибудь «провинциальной», отсталой частью. В своих «Тезисах доклада о задачах и принципах построения истории литературы XVIII века»¹ В. А. Десницкий пишет: «Изучая XVIII век, историк литературы должен отрешиться от традиционных ненаучных представлений о чрезмерной отсталости — общекультурной и литературной в России в XVIII в. . . Изучая международные литературные связи и взаимоотношения, историк литературы XVIII в. должен объяснить их не только в плане генетической обусловленности, но и в плане социальной направленности, как факты классовой борьбы, как этапы движения к национальной литературе, к народности в языке и литературе».

Необходимо также поставить вопрос, — еще совсем не освещенный в науке, о связях русской литературы с литературами народов СССР, связях, осуществлявшихся уже в XVIII в. не только в отношении украинской и белорусской поэзии, но и в отношении литератур кавказских народов и др.

¹ Тезисы эти являются дополнением к плану истории литературы, подготовляемой ИЛИ АН СССР.